

drücken, die in einer etwas gekürzten Form den schon erschienenen oder in Bearbeitung befindlichen Bänden des finnischen etymologischen Wörterbuches entnommen sind.

Das «Verzeichnis der Abbrüviaturen» von O. Ikola enthält die gebräuchlichsten finnischen Abkürzungen mit den dazu gehörenden Erklärungen.

Die drucktechnische Ausgestaltung des Werkes ist hervorragend. Der Rezensent

hat beim Lesen desselben nur sehr wenige drucktechnische Ungenauigkeiten bemerkt. Das «Handbuch der finnischen Sprache» ist ein zeitgemäßes Werk, das in jeder Hinsicht gelungen ist. Außer dem reichen Tatsachenmaterial erhält der Leser auch einen guten Überblick über die Entwicklungstendenzen des Finnischen.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1970.2.11>

Károly Rédei, Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows, Budapest 1968. 139 стр.

Работа венгерского ученого Кароя Редей посвящена рукописному памятнику коми-пермяцкого языка первой половины XIX века. Имеется ряд рукописных словарей коми-пермяцкого языка XVIII и начала XIX века, неизвестных широкому кругу научных работников.¹ Рецензируемый труд — это первый печатный словарь, составленный без малого полтора столетия тому назад. Следует всемерно приветствовать его появление.

Книга открывается портретом создателя рукописи Федота Алексеевича Волегова (1790—1856). Автор книги сообщает нам, что материалы словаря были собраны Волеговым в 1833 году, а в 1843 году он подарил свой рукописный труд венгерскому ученому Анталу Регули, во время экспедиции захавшему в Усолье (по словам Регули, Волегов был директором

усольской солеварни; в действительности он занимал должность управляющего Пермским именем Строгановых). Рукопись, состоящая из 161 страницы и хранящаяся в Венгерской Академии наук, озаглавлена: «Словарь Руско-пермятский. Часть I. 1833 года».

На основе материалов названного словаря Редей составил обратный словарь, т. е. коми-пермяцко-русский. В качестве заглавного он дает коми-пермяцкое слово с русским переводом в том виде, как оно написано в оригинале; после прямой перпендикулярной черты транскрибирует его с переводом на немецкий язык и снабжает соответствующими комментариями, привлекая материал из существующих словарей коми языка: Рогова, Видемана, Вихмана и Фокоша.

К. Редей затратил большой труд, расшифровывая слова, многие из которых уже исчезли в современном языке или же смысл которых затемнен. Почти все слова, встречающиеся в словаре, осмыслены и преподаны им в таком виде, что могут служить ценным материалом для исторической диалектологии и лексикологии пермских языков.

Интересно отметить, что в рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде имеется другой список описанного К. Редей словаря. Объем его примерно такой же, что и первого: он занимает 93 листа, заполненные с обеих сторон; рукопись оформлена четким почерком. Список словаря датирован 12 мая 1848 года, указывается место составления его — Усолье; рукопись поступила в Академию наук из архива И. И. Срезневского

¹ Кроме рецензируемого словаря Волегова, нам известны следующие большие рукописные словари коми-пермяцкого языка: Антония Попова 1785 года, около 2500 слов; Чечулина 1828 года, около 4500 слов (см. подробные сведения об этих словарях: Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962, стр. 148—149); Казанский словарь середины XIX в., около 4500 слов (см. Т. И. Тепляшина, О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка. — ФФУ I 1965, стр. 60). См. также: Р. М. Баталова, Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX в. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3, Москва 1966, стр. 110—121. Имеется, кроме того, немало старых рукописных словарей небольшого размера, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Казани, Кирова и т. д.

(1812—1880). Путем сопоставления материалов этих рукописей можно легко убедиться, что речь идет о двух списках (1833 и 1848 гг.) одного и того же словаря. Автор словаря — Ф. А. Волегов, списки составлены разными людьми, написаны разными почерками. Различия между списками словаря заключаются в следующем.

1. В списке 1848 года в большинстве случаев расставлено ударение, тогда как в списке 1833 года оно почти отсутствует; этим первый список выгодно отличается от второго, так как обозначение ударения для коми-пермяцкого языка имеет большее значение, поскольку в нем диалекты по акцентуации значительно отличаются друг от друга.

2. Следующие слова, наличествующие в списке 1848 года, отсутствуют в списке 1833 года: *жеккесъ* 'бабки (игра)', *зегзя* 'дрожу', *лэъ* 'ягоды еловые', *мбэдэмъ* 'милость', *сысертъ-адджья* 'воображение'.

Нужно полагать, что когда-то между 1833 и 1848 годами сам Волегов проставил ударение и добавил некоторые слова в свой словарь.

3. Имеется ряд слов, отличающихся друг от друга по написанию, а иногда и по значению, например (первое слово в списке 1833 г., второе в списке 1848 г.): *жоймэмъ* 'бледный' — *шоймэмъ* (второй вариант правильный, ср. также *шоймэмъ* 'бледность, бледный', 1828²); *шельзъ* 'жабры' — *шэльлезъ*, *шельзъ* (правильно *шэльлезъ* — мн. ч., *шель* — ед. ч.; ср. *шэльлезъ* 'жабры у рыбы', 1828); *эръ* 'известно' — *эръ* 'известка, известь' (?) (*эр?* < *йор* 'известие', ср. *йоръ*³ 'весть', 1828); *сирпу* 'вяз, ильм', *чжанъ* 'илим, илем (дерево)' — *сирпу-чжинъ* 'ильм, илим (дерево)' (*чжинъ?* < из иран. через тюркские языки, ср. рус. *чинар*); *вазилкъъ*, *вазылямъ* 'струя, лужа' — *вазилнъ* 'струя' (*ва-зиль-ин*, ср. коми-зыр. *зилья* 'водянистый', *зйля* 'трясина' от *зиль 'сырость, вода, водянистость'); *чжы* 'хлам' — *чожья* (ср. коми-зыр. *чашйыны* 'рвать'); *дзюдзил* 'ящерица' — *дзйцзилъ*; *беришкинэй* 'переводчик' — *беришкинэй*

'перевозчик'; *шоньтъ канъ* 'оттепель' — *шоньтъ-керинъ*; *шема уръ* 'уксус' — *шемасуръ*; *шуранъ* 'ножницы' — *ширанъ*; *щупи* 'срубил' — *шупи*; *эмли* 'если, естли, ежели' — *эмли*, *эм-ли* (калька рус. *есть ли*); *юкола* 'дело' (?) — *йюкола*; *юръ висънъ* 'похмелье' — *юръ-висанъ*; *ва-нятескъ* 'ил' — *ваис-му*; *вирдымъ* 'молния' — *вирдышъ*; *вэщианъ* 'штаны' — *вэшианъ*; *завориэзъ* 'заборы' — *завориэзъ*; *корисъ-лэсэтальэмъ* 'милостыня' — *корисълэ сэтальэмъ* (т. е. 'нищим подавание'); *муйдейт* 'завалина' — *мундей*; *наръ инъ* 'подволоки' — *няръянъ* 'подволока'; *нунъ* 'поди' — *мунъ*; *нюмадзысъ*, *нюмиазысъ* 'улыбка, усмешка' — *нюмсидзисъ* (т. е. 'улыбнулся он'); *омэ ва киссемъ* 'залив' — *куръя*, *омэнвакиссемъ*; *оръ чечисъ* 'загноилось' — *оръ-чечисъ* (вероятно, *чеччисъ* 'соскочил'); *отали* 'отоптал' — *тали*; *репдэмъ* 'пореха' — *рездэмъ* 'прореха'; *шикисъ гагъ* 'корь' — *шикисъ-гагъ* (здесь речь идет о моли, ср. корь влгд. 'моль, тля' — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка II, Москва 1955); *вирдымъ* 'молния' — *вирдыш* (т. е. 'сверкни!'); *дадзэмъ* 'удавление' — *задзэм* (?), *кучземъ* (?) 'удивление'; в списке 1833 года начальное э принято за д; может быть, следует читать: *этадз эм* 'такой есть, так-то!', *кутиѳ эм!* 'какой есть, какой ведь!'; *езъ лэнь* 'чужой' — *езъ лэнь* (т. е. *йѳзлѳн* 'у чужого'); *кылълъисъ* 'слуга' — *кысъя-лъисъ* (ср. *кыс'ялысй* 'послушный' — Н. Рогов, Пермско-русский и русско-пермский словарь, Санкт-Петербург 1869); *лолъ пупу* 'лучок' — *лолъ-пупу* (ср. удм. *пуппы* 'лотоха, молодое липовое дерево после снятия коры'; *лолъ-пупу* должно обозначать 'ольховая лотоха, служащая лучком для стрельбы из лука'); *кэчисъ* 'белена' — *кучисъ* (ср. коми-зыр. *кудъ*; *ѳѳв кудъ* 'конский шавель', удм. *кучкылак* 'шавель' — В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва 1955, стр. 97); *пырны* 'набить' — *тоины*; *пъкичъ* 'запайка' — *пекичъ* 'запанка' (ср. *пегыши* 'кость' — Н. Рогов, Пермско-русский и русско-пермский словарь; *пегыши*, *шег* 'бабка, кость между лодыжкой и ступней', *пегышѳн ворсѳм*, *шегѳн ворсѳм* 'игра в бабки' — Г. С. Лыткин, Русско-зырянский словарь, Ленинград 1931). Видимо, эта косточка служила застежкой, запонкой; *сэдмалы* 'оседлал' — *стдло-алы*.

² 1828 г. — рукописный словарь Чечулина.

³ В оригинале единый циркумфлекс (крышка) над *i* и *o*; в данной рецензии по техническим причинам *йѳ*.

Мы здесь дали довольно подробные сведения о вариантах слов двух списков словаря, поскольку они очень часто помогают в уточнении звукового вида слова и его значения.

Возникает вопрос, какой диалект лежит в основе словаря Волегова? Мы считали⁴, что в основе этого словаря лежит диалект косинско-камского типа. Р. М. Баталова относит диалект словаря к промежуточному между оньковским и коми-язьвинским.⁵

При рассмотрении вопроса о диалектной принадлежности словаря нужно принять во внимание следующее обстоятельство. Реден в предисловии к своему труду сообщает, что Волегов, родившийся в 1790 году в д. Новый Посад, до 1805 года учился в д. Карагай, а до 1807 года — в с. Ильинском, затем до 1828 года он жил в Петербурге. В 1828 г. Волегов вернулся в Ильинское и прожил там до 1836 года, а затем до самой смерти (1856 г.) жил в Усолье. Словом, в 1833 году он не мог составить словарь в Усолье, поскольку в это время жил в Ильинском. Волегов в 1843 году подарил Регули список словаря, составленный им в 1833 году, а другой его список, сделанный в Усолье в 1848 году, каким-то образом попал к академику А. А. Срезневскому, а потом в Академию наук СССР.

В основе словаря Волегова не может лежать говор косинско-камского типа, потому что автор не был знаком с этими говорами (первая деревня, относящаяся к косинско-камскому типу диалектов коми-пермяцкого языка при акад. И. И. Лепехине, т. е. в 1771 году, отстояла на 100 км от Усолья; нужно полагать, что и на несколько десятков лет раньше коми-пермяков л-ового северного диалекта не было поблизости от Усолья — если даже допустить, что словарь составлялся в Усолье, что невероятно). Базой словаря Волегова не мог послужить и промежуточный говор между оньковским и коми-язьвинским, в которых существует весьма своеобразная система ударения (количественно-вокальное ударение), резко отличающаяся от других коми-пермяцких говоров.

Из списка словаря 1848 года мы можем привести десятки примеров, свидетельствующих о том, что ударение этого словаря не оньковско-коми-язьвинское, например: *ту́лысь* 'весна', *сёрди* 'спина', *рытгиль* 'запад', *вйсь* 'болею', *ширэмь* 'бритый', *пйи* '(я) варил', *пйрась* 'войдег', *кыкысь* 'дважды' и др. В этих словах в диалектах оньковско-коми-язьвинского типа ударение должно было быть на втором слоге. Приведем еще ряд примеров: *гажя* 'весело', *четчась* 'лягушка', *вешшань* 'штаны', *бергэта* 'верну', *лэгаемь* 'гнев', *четчэта* 'бужу', *орсань* 'музыка', *сорлалы* '(я) мешал', *важйнэ* 'давно' и т. д. — в этих словах в говорах оньковского и коми-язьвинского типа ударение должно стоять на первом слоге.

Диалект словаря Волегова относится к л-овым, лишь в единичных случаях наблюдается смешение л—в, вроде *куйлы* и *куйвы* 'я лежал', *лоля* и *вовья* 'живой', что объясняется, видимо, влиянием в-овых диалектов, находящихся по соседству.⁶

Нам кажется, что в основе словаря Волегова лежит обвинский диалект; Волегов провел детство в населенных пунктах по р. Обве (Карагай и Ильинское) и в 1828—1836 годах жил в Ильинском. Коми-пермяцкие деревни с л-овым диалектом и теперь находятся недалеко от Ильинского по левому притоку р. Обвы, по р. Нердве. Диалект деревень по р. Нердве близок тому диалекту, который Н. Рогов в своем словаре называет южным. Ко всему этому надо добавить, что

⁶ Ф. А. Волегов почти все свое детство (1790—1805 гг.) провел в русском селе Карагае (ныне районный центр Карагайского района Пермской области, примыкающего с юга к Коми-Пермяцкому национальному округу). Он сам отмечает, что «по первой жене своего отца имел родственников-пермяков, от которых настолько познакомился с пермяцким языком, что мог говорить на нем» (см. биографические данные о Волегове: Пермский край III, Пермь 1896, стр. 122—143). Эти родственники — коми-пермяки, по-видимому, были уроженцами близлежащих деревень по р. Нердве и другим северным притокам р. Обвы. Современный диалект Нердвы относится к л-овым, но в непосредственной близости к нему расположены и в-овые диалекты, напр., верхоязвинский (см. В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва 1955, стр. 26).

⁴ См. Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962, стр. 149.

⁵ См. Р. М. Баталова, Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX в., стр. 120.

словарь Волегова по акцентуации близок среднеинвенскому говору, легшему в основу (в частности в отношении ударения) коми-пермяцкого литературного языка.

Судя по списку словаря 1848 года, в котором проставлено ударение, можно определенно сказать, что диалект словаря по ударению совпадает с коми-пермяцким литературным языком, а именно: оно является осново-разноместным, т. е. акцент падает на какой-нибудь слог основы слова, а словоизменительные суффиксы безударны.⁷ При этом ударение падает в основном на те же словообразовательные суффиксы, что в литературном языке. Приведем примеры: а) ударение не падает на словоизменительные суффиксы: *экта* 'пляшу', *сэты* 'одолжил', *кэсьи* 'посулил', *вэрма* 'могу', *ола* 'живу', *пји* 'сварил', *вартны* 'молотить', *улынэ* 'под (последелог)'; б) словообразовательные суффиксы безударны: *ыньтэмэ* 'вдонец', *гожси* 'летний', *нятэсь* 'грязный', *вэськытэ* 'правый'; в) уменьшительный суффикс существительного *-ок* имеет на себе ударение: *шорокэ* 'ручеек', *грездокэ* 'деревенька'; г) ударные глагольные словообразовательные суффиксы (видовые и залоговые) *-ал*, *-ась*, *-ись*, *-ырт*: *сынала* 'чешу', *гажала* 'хочу', *лэбала* 'летая', *сералы* 'смеялся', *тышкасы* 'сражался', *витчйсы* 'жду', *мышкыбортка* 'наклоняюсь'; д) отглагольные словообразовательные суффиксы *-ан*, *-от*: *печканэ* 'прялка', *юанэ* 'питье', *гижанэ* 'писание', *гижэтэ* (произносится *гижот*) 'книга' и т. д.

Сделаем несколько замечаний, относящихся к передаче коми-пермяцких слов Волеговым. К. Реден пишет, что буква *ю* после палатальных согласных обозначает звук *и* или *о* (стр. 10). Это неверно. Буква *ю* в этом положении передает только звук *и*, а звук *о* передается другой буквой, состоящей из сочетания *й* и *о* с крышкой над ним. Эта составная буква в русском языке употреблялась вместо *ё*: вплоть до конца XVIII века (буква *ё* была введена в русскую графику М. Н. Карамзиным). Вероятно, в словаре Волегова 1833 года эти две буквы (*ю*, *йо*) уже не различались, крышку забывали ставить,

поэтому Реден принял их за одну букву.⁸

В «Кратком пермском словаре» Антония Попова (1785 г.) буква *ё* совсем не употребляется, а вместо него пишется *йо*: *йогэ* 'сор', *цйорытэ* 'твердый', *сийрни* 'разговор' и т. д. В обоих списках словаря Волегова иногда употребляются уже *ё*, например: *ёкышэ* 'окунь' наряду с *юкышэ* (у Реден), *йокышэ* (в словаре 1848 г.), *нёль* 'четыре' наряду с *ноль* (у Реден), *нёль* (в словаре 1848 г.) и др. В словаре списка 1848 года обычно употребляют букву *йо* (с надстрочным знаком, а обыкновенное *ю* не имеет надстрочного знака), напр.: *сийны* 'есть', *сийрни* 'опоздал', *сийр-ай* 'прадед', *сий* 'сто', *нёль-дасэ* 'сорок', *йортэ* 'друг', *йортчэмэ* 'клятва', *йонэ* 'крепкий', *йосэ* 'спица', *йоды-чери* 'лещ', *йокышэ* 'ерш' (?), *йогэ* 'сор', *дзйоц-зылэ* 'ящерица' и т. д. У Реден в этих словах стоит буква *ю*.

Нужно предполагать букву *йо* также в следующих словах, в которых у Реден стоит *ю*, а в словаре 1848 года *э*: *зюрэ* 'седина', *люнэ* 'лен', *виль нючжэ* 'новость', *сюртни* 'репа', *сюрнита* 'говорю' (в словаре 1848 г.: *дзэрэ*, *лэнэ*, *вильнэчжэ*, *сэртни*, *сэртита*).

Вместо буквы *йо* в обоих списках словаря Волегова нередко употребляют уже *э*, *э*, *о*, *ё*, а в словаре 1785 года еще стоит *йо*, например: *цйорытэ* (1785), *чорытэ*, *чёрытэ* (1833), *чёрытэ* (1848) 'твердый'; *цйоцкэмэ* (1785), *чёчкэмэ*, *чэчкэмэ* (1833), *чэчкэмэ* (1848) 'белый'; *лиокэ* (1785), *лэкэ* (1833), *лэкэ* (1848) 'злой'. Таким образом, буква *йо* постепенно уступает место букве *ё* (*э*, *э*, *о*): в словаре 1785 года мы видим все время *йо*, в словаре 1833 года уже меньше слов с этой буквой, а в словаре 1848 года — еще меньше. Мы специально остановились на рассмотрении этого орфографического приема, потому что люди, занимающиеся расшифровкой текстов XVIII и начала

⁸ Впрочем, в книге Р. Реден встречаются два слова, в которых над буквой *ю* стоит надстрочный знак: *сийянь* 'пища' (стр. 84), *сийянь* (1848), здесь надстрочный знак показывает не ударение, так как ударение должно стоять над *я* (ср. *юанэ* 'питье', *печканэ* 'прялка' и т. д., см. ниже); *зелёю* 'лекарство' (стр. 39), *зелёю* (1848), читается *зелёю*.

⁷ См. Коми-пермяцкий язык, стр. 90—95.

XIX века, очень часто букву *io* принимают за *y* и делают ошибки в воспроизведении звукового состава слов.

Несколько слов о русской части книги К. Реден. В «Указателе русских слов», помещенном в конце книги, вкрались опечатки, напр.: *благословляю* вместо *благословляю*, *вечерника* вм. *вечеринка*, *восемьнацать* вм. *восемнадцать*, *звячий* вм. *заячий*, *ззезда* вм. *звезда*, *оборолился* вм. *оборонился*, *пощипал* вм. *пощупал*, *сдетило* вм. *светило*, *тятело* вм. *тяжело*. В словарных статьях эти слова переданы правильно.

Как в «Указателе русских слов», так и в словарных статьях следующие слова переданы в орфографии Волегова: *анбар*, *березник*, *естьли*, *лож*, *остегнул*, *семдесят*, *пятдесят*, *шолк*. Эти русские слова в списке 1848 года написаны так же.

В рецензируемой книге следующие слова передаются, по-видимому, в орфографии списка 1833 года: *бадог* вм. современного литературного и помещенного в словаре 1848 г. *бадог*, *богатыр* вм. *богатырь*, *выдалбленный* вм. *выдолбленный*, *грузли* вм. *грузди*, *досяда* вм. *досада*, *заблудался* вм. *заблудился*, *икон* вм. *икона*, *клауза* вм. *кляуза*, *у экипажи* вм. *у экипажа*, *крестил* вм. *крестился*, *кресть* вм. *крест*, *ласочка* вм. *ласточка*, *нарубал* вм. *нарубил*, *одинакий* вм. *одинокий*, *обедна* вм. *обедня*, *оладыя* вм. *оладья*, *оплошил* вм. *оплошал*, *куринный* вм. *куриный*, *смородиник* вм. *смородинник*, *страшал* вм. *страшил*, *ярмонка* вм. *ярмарка* (в списке 1848 г. также *ярманка*).

В перечисленных словах отражаются севернорусские диалектизмы (*анбар*, *ярмонка*, *бадог*, *грузли*, *березник* и др.) и орфография того времени (*шолк*, *пятдесят*,

семдесят, *естьли*), а также ошибки и опiski автора списка словаря 1833 года (*ласочка*, *кресть*, *клауза* и др.).

Некоторые русские слова Реден все же сам перевел на современную русскую орфографию, например: *беспалый*, *бесплодный* и т. д. Приставка *без-* в этих словах до 1918 года писалась через *з*, в оригинале 1833 года, несомненно, было *безпалый*, *безплодный* и т. п. Мы считаем, что лучше было бы перевести на современное правописание (кроме явных диалектизмов) все слова, приведенные в «Указателе русских слов», оставив без изменения орфографию переводов на русский язык в словарных статьях. От этого не снизилась бы ценность словаря, выражающаяся в публикации коми-пермяцкой лексики с комментариями.

Умело комментированное издание коми-пермяцкого лексического материала первой половины XIX века само по себе уже представляет научную ценность, тем более, что опубликованный труд содержит данные, которые уже утрачены в современных диалектах коми-пермяцкого языка, напр.: *вей* 'храбрый', *вечжъ* 'десятина', *есканъ* 'вера', *жоймэмъ* 'бледный', *зарагумъ* 'дудка', *зегьянъ* 'лихорадка', *канъ* 'бок', *шикылъ* 'эхо', *саричъ* 'морда (рыболовная)', *серакумъ* 'доношение, представление', *чжанъ* 'илим, илем (дерево)', *чульсъ* 'почка', *эзынъ* 'гавань', *сюрсъ* 'тысяча' и многие другие.

Наши критические замечания несколько не снижают ценность рецензируемой книги, которая представляет собой полезный труд по финно-угорскому языкознанию.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА, В. И. ЛЫТКИН
(Москва)

А. М. Рот, Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 1969.

23 мая 1969 г. в Институте языкознания Академии наук СССР доцент Ужгородского госуниверситета А. М. Рот успешно защитил докторскую диссертацию на вышеуказанную тему. Оппонентами на защите выступили В. И. Лыткин, И. А. Дзедзелевский и К. Е. Майтинская. Ниже следует несколько сокращенный текст одного из оппонентских отзывов.

Рецензируемая работа представляет собой фундаментальное и всестороннее исследование. О его фундаментальности можно судить уже по его объему: 1055 страниц, из которых только текст исследования занимает 946 страниц. Все затронутые вопросы рассматриваются детально. Автор стремился охватить всю проблематику языковых контактов. Для